

Б. Л. ПАСТЕРНАК

ПИСЬМА к Г. Э. СОРОКИНУ

Публикация А. В. Лаврова, Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака

Письма к Г. Э. Сорокину характеризуют отношения Бориса Пастернака с «Издательством писателей в Ленинграде» в первой половине 1930-х годов и затрагивают в основном вопросы, связанные с печатанием «Стихотворений в одном томе» — наиболее полного для того времени собрания его стихов.

В эти годы «Издательством писателей в Ленинграде» были выпущены в свет четыре книги Пастернака — «Охранная грамота» (1931), «Девятьсот пятый год» (1932), «Стихотворения в одном томе» (1933) и «Повесть» (1934). Планировалось также, но не было осуществлено собрание его сочинений. Одним из редакторов и членов правления издательства был Н. С. Тихонов, близкий друг Пастернака тех лет. Первоначально Пастернак вел дела по печатанию своих книг с заведующим издательством — С. М. Алянским.¹ В архиве Сорокина — преемника Алянского в этой должности — сохранилось 5 писем Пастернака за 1931—1932 гг. к прежнему заведующему.

Первое из них было отправлено Алянскому из Куджор (Грузия) 12 августа 1931 г. вместе с гранками «Охранной грамоты» и содержало просьбу об оформлении будущей книги: «Обложку дайте, пожалуйста, простую, строгую, одноцветную, без иллюстративных украшений, смещений или изломов». Тогда же Пастернак подписал и отправил обратно Алянскому с этим же письмом присланный им договор на первый том собрания сочинений, выражая готовность «договора на следующие томы подписать через месяц-полтора, по возвращении в Москву».² Судя по этому и по следующему письму Пастернака из Куджор, от 7 сентября 1931 г., он договорился с Алянским, что «Издательство писателей в Ленинграде» обязуется еще до выхода первого тома собрания сочинений

¹ О его деятельности на этом посту см.: Белов С. В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979, с. 53—67.

² ИРЛИ, ф. 519, № 412.

производить ему ежемесячные гонорарные выплаты. По возвращении из Грузии в Москву Пастернак писал Алянскому (письмо отправлено 22 октября 1931 г.):

«Глубокоуважаемый Самуил Мионович!

Вчера я вернулся в Москву. Спешу принести Вам искреннейшую благодарность за быстроту и аккуратность летних сношений издательства со мной, особенно оцененную мною в дороге. Большое спасибо. Вы меня очень бы обязали, если бы сообщили мне, в каком положении все наши дела: 1) состояние наших расчетов по сей день, 2) скоро ли выйдет „Охр^{ан}ная» Грамота“, 3) как задумано собрание (вплоть до внешних мелочей, как-то: план, формат, характер обложки и пр. и пр.). Вообще, напишите все, что знаете из касающегося меня и того, что Вам может показаться уже мне известным, так как при продолжающейся глухости моего режима менее всего о себе знаю я сам. Кроме того, я только что с вокзала. Если будет нетрудно, переведите также и взнос за октябрь. С нетерпением жду письма от Вас. Крепко жму Вашу руку. Еще раз большое спасибо Вам и товарищам!

Ваш Б. П.»³

В письме, poslanном Алянскому через неделю (29 октября) Пастернак, продолжая разговор о готовящемся собрании, спрашивал и о том, совместимо ли это предприятие с переизданием его отдельных произведений: «Так, например», „Спекторский“, как говорят, разошелся в 6-ти тысячах в течение 1½ месяцев, и мне советуют его переиздать. Я не знаю, совместимо ли это с полным собранием? В „Гихле“ бумаги нет, и, верно, можно было бы их склонить отступить от их дополнительных прав. Второе издание можно было бы предложить Вашему Издательству, или „Федерации“, или Моск^{овскому} товариществу. Можно ли все это сделать без вреда для собрания и как это поставить. Как-то надо бы этими и рядом аналогичных возможностей воспользоваться, на одни периодические выплаты Вашего издательства в их настоящем размере мне не просуществовать».⁴ Ответ Алянского нам неизвестен, но, видимо, результатом просьбы Пастернака было переиздание двух его поэм («Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт»)⁵.

Последнее письмо Пастернака к Алянскому (от 16 февраля 1932 г.) содержало просьбу о некотором изменении композиции стихотворного тома собрания сочинений — об изъятии из раздела «Поверх барьеров» четырех стихотворений (две баллады, «Смерть поэта» и «Лето»⁶): «Все это я хочу перенести в новую книгу, куда это просится (и естественно войдет) по времени написания, содержанию и пр. и пр.»⁷ Относительно

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Пастернак Борис. Девятьсот пятый год. Изд. 3-е. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1932 (ответственный редактор Ник. Тихонов).

⁶ Эти стихотворения открывают раздел «Смешанные стихотворения» в книге Пастернака «Поверх барьеров. Стихи разных лет» (Изд. 2-е, дополн. М.—Л., ГИХЛ, 1934, с. 89—96).

переноса стихов — решение твердое и очень пужное».⁷ Названные стихотворения вошли вторым разделом в книгу «Второе рождение» (1932), а в «Стихотворениях в одном томе» заняли соответствующее композиционное место в разделе «Волны».

В 1932 г. Алянский перешел на работу в издательство «Молодая гвардия». На должность заведующего «Издательством писателей в Ленинграде» был назначен писатель и редакционно-издательский работник Г. Э. Сорокин. В его компетенцию входили управление издательством «во всем объеме его деятельности — как технической, так коммерческой и хозяйственной»,⁸ подписание договоров с авторами, совершение сделок и т. д. Соответственно к нему перешли и все дела, связанные с изданием сочинений Пастернака. Личное знакомство Сорокина и Пастернака состоялось, по всей вероятности, в середине октября 1932 г., когда Пастернак с женой приезжал на 4 дня в Ленинград и останавливался у поэта С. Д. Спасского.⁹ Во время разговора с Сорокиным, судя по последующей переписке, были подтверждены договорные отношения Пастернака с «Издательством писателей в Ленинграде» в форме ежемесячных выплат. Сорокин был в приятельских отношениях со Спасским, и это, безусловно, способствовало тому, что деловое общение его с Пастернаком не ограничилось официальными рамками, а сопровождалось взаимным дружеским расположением. Многие, знавшие Сорокина, вспоминают о нем, как об очень симпатичном, предупредительном, глубоко порядочном человеке, внимательном и тактичном редакторе, ревностном и честном исполнителе своего дела. Не удивительно поэтому, что Пастернак с такой доверительностью и открытостью писал ему о себе, о своих заботах и нуждах.

Григорий Эммануилович Сорокин родился 11 января 1898 г. в Бобруйске.¹⁰ В 1918 г. он добровольно вступил в Красную Армию; в первые послереволюционные годы учился в 3-м Петроградском педагогическом институте, уже в это время проявляя широкий интерес к литературной и культурной жизни (в частности, Сорокин был членом-соревнователем «Вольной философской ассоциации», существовавшей в Петрограде в начале 1920-х годов¹¹). С 1922 г. Сорокин включился в литературно-издательскую деятельность: начав наборщиком в рабочем издательстве «Прибой», он стал корректором, а затем техническим редактором. В это же время началась и его литературная деятельность. В ленинградских аль-

⁷ ИРЛИ, ф. 519, № 412.

⁸ Там же, № 275, л. 1. О рабочем аппарате издательства см.: Лавров Н. П., Таллерчик Т. М. Издательство писателей в Ленинграде (1928—1934 гг.). — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сборник ХХХVI. М., 1978, с. 94—95.

⁹ Свою книгу «Второе рождение» Пастернак надписал в Ленинграде О. М. Фрейденберг 14 октября. См. также письмо Пастернака к С. Д. Спасскому, отправленное 22 октября 1932 г. по возвращении в Москву (Вопросы литературы, 1969, № 9, с. 173).

¹⁰ Сведения о Сорокине почерпнуты в основном из документальных материалов его архива (ИРЛИ, ф. 519, № 271, 272, 275, 277, 280, 310, 311 и др.).

¹¹ ИРЛИ, ф. 474, № 567, л. 2.

манахах было опубликовано несколько его стихотворений.¹² Тогда же Сорокин примкнул к литературной группе «Содружество», в которую входили Н. Л. Браун, Б. Д. Четвериков, Б. А. Лавренев, М. Э. Козаков и другие писатели. В 1925 г. вышел в свет небольшой сборник стихотворений Сорокина «Галилея». Содержание его было достаточно отвлеченным и далеким от основных направлений советской поэзии 1920-х годов. Библейские, исторические мотивы сочетались в стихах Сорокина с темами Петербурга и русской культуры, иногда в противопоставлении одного мира другому:

Что делать мне на Невских берегах,
В метелях, бурях и туманах,
Когда слеза в открывшихся глазах,
Запомнивших цветенье Ханаана, —

иногда в их взаимопроникновении и взаимообогащении:

Пролей слова в нетронутых снегах
Горячим инбирем и терпкою смолою,
И семисвечником в раскольных домах
Ты просиянный свет зажги рукою.

. . . . .
Иди в поля стоголов и плодовит
И лавр ко льдам неси благоуханный,
И Галилейская Россия прилетит
Снежинкой теплою к родному Иордану.¹³

«Галилея» — единственная книга стихов Сорокина¹⁴ — осталась незамеченной в критике. Определенный резонанс вызвала его первая прозаическая книга — сборник рассказов «Примечания к судьбе», выпущенный «Издателством писателей в Ленинграде» в 1931 г. Книга эта, любопытная как образец воздействия разнообразных стилизованных исканий, характерных для прозы 1920-х годов, написана в экспрессивном, напряженно-метафорическом стиле, отличается фрагментарностью изложения и избыточными эллиптическими конструкциями. «Примечания к судьбе», примыкавшие к многочисленному ряду произведений на тему о поисках интеллигенцией своего пути в революции, вызвали решительный отпор критиков «рапповского» толка как «недоброкачественные „примечания“ не желающего перестраиваться упорствующего интеллигента к выдуманной им фальшивой судьбе»; позиция автора была аттестована и разобла-

---

¹² См.: Литературно-художественный альманах для всех, кн. 1. Л., «Прибой», 1924, с. 187—188 (баллада «Повесть о комбате»); Костер. Л., 1927, с. 84—87 («Кино-повесть»); Собрание стихотворений. Л., 1926 (два стихотворения).

¹³ Сорокин Григорий. Галилея. Л., «Эрато», 1925, с. 10, 17—18 (тираж 500 экз.).

¹⁴ В 1930-е годы «Издателство писателей в Ленинграде» предполагало выпустить в свет «Вторую книгу стихов» Сорокина, но это намерение не было осуществлено. Стихотворения Сорокина 1930—1950-х годов сохранились в его архиве (ИРЛИ, ф. 519, № 2, 3); из них наибольший интерес представляют его «Северные стихи» (1951—1953) (там же, № 3, л. 45—72).

чева как «упадочная» и «правопопутническая».¹⁵ Рассказ «Угол падепия», занимающий в книге Сорокина центральное место, заставляет вспомнить о романе К. А. Федина «Города и годы» и его герое Андрее Старцове: сорокинский Владимир Болотов претерпевает во многом сходные метания и колебания перед лицом крупных исторических событий — мировой войны и революции — и не находит себе места в послереволюционной действительности.

В дальнейшем непосредственная творческая работа Сорокина была отгеснена на второй план его редакционно-издательской деятельностью.¹⁶ После слияния в 1934 г. «Издательства писателей» в Ленинграде с «Советским писателем» Сорокин был назначен главным редактором ленинградского отделения объединенного издательства. Редакторской работе он посвятил в целом 27 лет своей жизни (с 1922 по 1949 г.). Очерки, статьи, рецензии, фельетоны Сорокина печатались в журналах «Литературный современник», «Ленинград», «Резец», «Звезда» и др. Будучи хорошим знатоком литературной жизни, Сорокин опубликовал на связанные с нею темы целый ряд фельетонов и юморесок, которые были объединены затем в книге «Чудаки и романтики».¹⁷ Выступал Сорокин и как литературовед: им подготовлен том стихотворений Плещесва в малой серии «Библиотеки поэта».¹⁸

В годы Великой Отечественной войны Сорокин находился на действительной службе в Военно-Морском Флоте в качестве редактора и военного корреспондента. Еще до войны он написал антифашистскую документальную повесть «Кантабрийское море» — по воспоминаниям подводника, бойца интернациональной бригады, сражавшегося за республиканскую Испанию.¹⁹ Подобную же обработку сообщений о действительных

---

¹⁵ См. рецензию на «Примечания к судьбе» Ф. Сельцер: Ленинград, 1932, № 1, с. 86—87. В другой рецензии сходной направленности Сорокин был наречен выразителем «художественного сознания худшей части упадочно настроенной мелкобуржуазной интеллигенции» (Котляр А. В тупике. — Литературная газета, 1931, № 55, 12 октября). Ср.: Книга — строителям социализма, 1931, № 28, с. 143—144.

¹⁶ Упомянем также написанную Сорокиным совместно с Д. Лаврухиным книгу «Я учился бороться. Переработка романа Б. Иллеш „Тисса горит“» (Л.—М., ГИХЛ, 1932 (серия «Библиотека начинающего читателя»)). Книга была признана небрежной и неумелой адаптацией произведения венгерского писателя (Художественная литература, 1932, № 5, с. 17—19).

¹⁷ Сорокин Григ., Флит Ал. Чудаки и романтики. Л., 1941.

¹⁸ Плещеев А. Н. Стихотворения. Вступит. статья и примеч. Гр. Сорокина. Л., 1937. В статье В. Жданова «О малой серии „Библиотеки поэта“» в адрес этой книги были высказаны серьезные критические замечания (Литературное обозрение, 1938, № 3, с. 41—43, 47—48). В 1939 г. Сорокин заключил с издательством «Советский писатель» договор на вступительную статью и примечания к книге «Поэзия 1905 года» (большая серия «Библиотеки поэта») (ИРЛИ, ф. 519, № 280), однако издание не было осуществлено. Работа над этой темой отражена в статье «Армия и флот в сатире первой революции», написанной Сорокиным совместно с В. Ф. Бояновским (Краснофлотец, 1940, № 20, с. 30—32).

¹⁹ Опубликована в журнале «Литературный современник» (1941, № 6, с. 3—36). Отдельное издание: Сорокин Григ. Кантабрийское море. М.—Л., 1941.

происшествиях представляют собой его «Рассказы капитана Суслина».²⁰ Сорокиным написаны также документальные повести о летчиках Военно-Морского Флота.²¹

После войны Сорокин вернулся на работу в издательство «Советский писатель», где до лета 1949 г. продолжал быть главным редактором ленинградского отделения и одно время исполнял обязанности директора. Умер он 27 февраля 1954 г.

Переписка Пастернака с Сорокиным охватывает сравнительно короткий период — с ноября 1932 по февраль 1934 г., когда Сорокин был заведующим «Издательством писателей в Ленинграде». Письма ограничены в основном рамками издательско-деловых отношений, но характеризуют косвенным путем многие важные обстоятельства жизни Пастернака этой поры, помогающие отчетливее представить его литературную позицию. Хотя Пастернак в эти годы и пользовался широкой известностью (книги его много и охотно печатали, имя поэта в литературной среде было чрезвычайно популярно), но его творчество постоянно подвергалось ожесточенной критике в духе вульгарно-социологических, начетнических, предвзятых тенденций, типичных для «рапповских» идеологов и еще преобладавших в начале 1930-х годов.²² Творчество Пастернака оказалось в это время дискуссионным, каждая его новая книга обсуждалась в связи с перспективами развития советской литературы в целом и разбиралась с повышенной пристрастностью и остротой. На различные лады варьировались суждения о субъективном идеализме Пастернака, о его принципиальной отрешенности от действительности, о созерцательном начале в его поэзии как явлении порочном и заслуживающем осуждения. Резкое неприятие «Охранной грамоты» (см. письмо 6) — произведения, исключительно важного для Пастернака и дорогого ему, холодное и настороженное отношение к роману в стихах «Спекторский»²³ и к книге прозы

---

²⁰ Сорокин Григ. Рассказы капитана Суслина. М.—Л., 1942 («Библиотека краснофлотца»).

²¹ См.: Сорокин Григ. 1) Генерал Остряков. М.—Л., 1944; 2) Вечный берег. М.—Л., 1946; 3) На Черном море. Записки военного корреспондента. Л., 1947 (включены «Вечный берег» и «Мыс „Доброй Веры“»); 4) Два героя. М., 1956 (включены «Вечный берег» и «Небо Севастополя» (в 1-м издании — «Генерал Остряков»)).

²² См., например: К. О Пастернаке. — Литературная газета, 1932, № 24, 29 мая.

²³ В статье о «Спекторском» «Поэзия опасна?» А. Селивановский утверждал, что в этом произведении отразился «весь сегодняшний Пастернак с клубком неразрешимых для него противоречий, с конфликтом между бессильной тягой к революционной действительности и погруженностью в косность поэтического искусства» (Литературная газета, 1931, № 44, 15 августа). После обсуждения «Спекторского» на собрании отдела поэзии ГИХЛла был сделан вывод, что от «изоэренной вязи» стихов этого произведения «веет упадком, ущербом, осенними мотивами (...) этот стиль не в силах передать „воздух“ нашей эпохи» (Кальм Д. «Спекторский» Б. Пастернака. — Литературная газета, 1931, № 15, 19 марта). В статье А. Прозорова под характерным заглавием «Трагедия субъективного идеалиста» «Спекторский» был развенчан как произведение. «активно заостренное против современности» (На литературном посту, 1932, № 7, с. 35).

«Воздушные пути»²⁴ сопровождалась настойчивыми призывами к Пастернаку направить свои творческие усилия в ином направлении и совершить «внутреннюю перестройку». Потребность в творчестве, которое было бы созвучно переживаемой эпохе, ощущал и сам Пастернак.

Книга «Второе рождение» (1932) ознаменовала определенные сдвиги в его художественной системе к большей простоте и конкретности образов и непосредственное обращение к темам современной действительности, но она была принята большей частью критиков не в ее подлинном поэтическом значении, а лишь как потенция для необходимой Пастернаку «перековки».²⁵ Лишь в середине 1930-х годов, в особенности после выхода книги переводов Пастернака «Грузинские лирики» (1935), воспринятой с единодушным восхищением, тон критики изменится принципиальным образом и о Пастернаке станут говорить исходя в основном из объективной значимости его творчества. Характерна в этом отношении полемическая статья А. Тарасенкова «Пастернак в кривом зеркале», написанная по поводу статьи о Пастернаке Ярополка Семенова в «Литературной газете» (1935, 20 и 24 августа), в которой развивалась прежняя концепция о формализме и субъективном идеализме поэта. «Пастернак, действительно, очень субъективный поэт, — писал Тарасенков, — весь видимый предметный мир он переплавляет в тигеле своих интимнейших переживаний, — и в этом, заметим мимоходом, одно из положительных его качеств как лирика. Ведь быть субъективным — отнюдь не значит быть идеалистичным. Писать от имени интимно чувствующего человека — вовсе не значит зачеркивать объективный мир. И, конечно, этот мир находит яркое (хотя и не всегда прямое) отражение в творчестве Пастернака <...> зачем же так грубо и вульгарно отождествлять философию с творческими приемами художника?»²⁶

---

²⁴ В статье «Мастерская старых образцов» И. Нусинов писал о «парниково-литературном, а не черноземно-жизненном источнике прозы Бориса Пастернака» и характеризовал книгу как «литературный музей» (Художественная литература, 1933, № 9, с. 7—9).

²⁵ См.: Прозоров А. «Тезисы души». — Художественная литература, 1932, № 24, с. 5—7; Смольяков Г. Заметки о лирике. — Резец, 1932, № 28, с. 25. А. Тарасенков в статье «„Второе рождение“ Б. Пастернака» писал о новых мотивах его творчества: «... живая жизнь, врывающаяся в его стихи, начинает переделывать художественную образную систему поэта, делая ее проще, выразительней, универсальней, сильнее» (Литературная газета, 1932, № 56, 11 декабря). В то же время и в связи со «Вторым рождением» продолжали звучать прежние формулировки. Касаясь «грузинских» стихов этой книги, П. Незнамов писал о Пастернаке: «Его Кавказ открывается если не из прекрасного далека, так из прекрасного высоко» (Незнамов П. Два Кавказа (Асеев и Пастернак). — Вечерняя Москва, 1934, № 5, 5 января). В статье «Поэт и революция» А. Селивановский не обнаружил во «Втором рождении» «сколько-нибудь значительного изменения основного, многолетнего тона его творчества» (Литературная газета, 1932, № 55, 5 декабря).

²⁶ Знамя, 1935, № 10, с. 232, 234. См. также статьи «Борис Пастернак» Д. Обломиевского (Литературный современник, 1934, № 4, с. 127—142) и «Проза поэта» М. Гутнера (там же, 1936, № 1, с. 118—131), в которых предпринята серьезная попытка анализа творчества Пастернака в сравнении с поэтикой символистов, акмеистов и футуристов и в соотношениях с традициями русской литературы XIX в.

В пору переписки Пастернака с Сорокиным такие суждения, однако, еще не звучали в печатных отзывах. Критическая кампания вокруг имени Пастернака не могла не отразиться на административно-издательских акциях — на отказе от выпуска в свет собрания сочинений, на изъятии «Охранной грамоты» из сборника его прозаических произведений. Пастернак всегда стремился сохранить свое лицо и писать «в своем ключе», но неблагоприятные внешние обстоятельства все же сказывались на его творческой деятельности, заставляя корректировать задуманные планы. Так, начав писать роман «Записки Патрика», героиней которого была Евгения Викентьевна Люверс-Истомина, в надежде на издание собрания сочинений, даже подписав договор на него, Пастернак вскоре прерывает эту работу, узнав о том, что собрание не состоится, и переключается на переводы с грузинского, которые вскоре оттесняют на второй план другие творческие замыслы. Долги, растроченные и не отработанные авансы, необходимость содержать две семьи, недавно оставленную и вновь заведенную, внутренняя потребность помогать пугающимся — все эти заботы очень ярко выражены в письмах к Сорокину. И все же основной их интерес — в темах, непосредственно характеризующих творческую деятельность Пастернака: это сообщения о работе над крупным прозаическим произведением, о поездке в Грузию, о неудачных попытках театральной работы (оперы Р. Вагнера) и т. д.; и прежде всего здесь следует сказать о детально восстанавливаемой истории издания «Стихотворений в одном томе» — книги, ставшей итоговой для первой половины творческого пути Пастернака-поэта,²⁷ выпущенной в свет при помощи и заинтересованном содействии Сорокина.

Ответные письма Сорокина в архиве Пастернака не сохранились.

Письма Б. Л. Пастернака к Сорокину печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома в архиве Г. Э. Сорокина (ф. 519, № 149).

1

10 XI <19>32.

Москва 19, Волхонка 14, кв. 9.

Глубокоуважаемый Григорий Эммануилович!

Мне не удалось повидаться по-настоящему с Тихоновым. Он просил передать мне, что предисловье с книги снято, тираж увеличен до 5000 и что издательство согласно выпускать собрание.¹

Жду обещанных в телеграмме подтверждений. В то же время меня беспокоит ряд вещей. Прежде всего задержка денег. Неаккуратность их выплаты очень ощутительна. Отчего это происходит и поправимо ли в дальнейшем?

Кроме того, не вышло ли неприятности с Селивановским? Я был не против *его* статьи,² а против чьей бы то ни было: про-

²⁷ Об итоговом характере книги писала в рецензии на нее Р. Миллер-Будницкая (Литературный современник, 1933, № 11, с. 159—161).

тив порядка, вызвавшего прошлой зимой тогдашнюю конъюнктуру. Недавно К. Зелинскому была навязана роль председательствующего на моем вечере.³ Он пришел с переводом сказанного обо мне в Английской энциклопедии.⁴ Нельзя придумать ничего лучшего, и мы с Зелинским друзья, но я просил его не делать вступительного слова, потому что неловко при всем этом присутствовать, и это положение фальшивое. Можете мне верить, что из многих критиков мне всего приятнее Селивановский, он умница, и я питаю настоящую симпатию к нему,⁵ но так же только, как с Зелинским, не как-нибудь еще иначе, тяготился бы полувынужденной торжественностью, которую бы сообщало одностороннику чье бы то ни было, а не одного Селивановского, предисловье.⁶ Я не знаю, в таком ли духе поднимался вопрос, и был бы очень огорчен, если бы не в этом.

Напишите мне, пожалуйста, и приложите все старанья, чтобы мне перевели деньги и впредь переводили бы их в срок. Жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак.

¹ Николай Семенович Тихонов был ответственным редактором собрания стихотворений Пастернака («Стихотворения в одном томе»), подготовленного «Издательством писателей в Ленинграде» (1933; сдано в набор 21 октября 1932 г.). В середине октября 1932 г. Пастернак четыре дня пробыл в Ленинграде. Вечер, на котором он выступал с чтением своих произведений, был устроен в Филармонии. Вероятно, Тихонов пришел на вечер, но не смог поговорить с Пастернаком о делах. Другой возможности встретиться им не представилось.

² Первоначально издательство договаривалось о том, что предисловие к собранию сочинений Пастернака будет написано Алексеем Павловичем Селивановским (1900—1938) — ведущим литературным критиком начала 1930-х годов, ответственным редактором «Литературной газеты» (до мая 1932 г.), бывшим ранее одним из руководителей РАППа. Возможно, что именно эту статью («Борис Пастернак») с соответствующими изменениями он опубликовал (с пометой: «В порядке обсуждения») в журнале «Красная новь» (1933, № 1); статья вошла в его книгу «Поэзия и поэты. Критические статьи» (М., 1933, с. 155—178). В статье Селивановский обвиняет Пастернака в отъединенности от мира, ограниченности его сугубо интеллектуальных тем и не видит в его творчестве тенденций к обновлению взгляда и стиля, о чем многие говорили в связи с выходом в 1932 г. книги «Второе рождение». «Искусство безволия, пассивного „философствования“ и пассивных ощущений — в прошлом, — заключает свою статью Селивановский. — Поэтому все более будет становиться прошлым, документом и поэзия Пастернака, если он не совершит решительного разрыва с буржуазным реставраторством» (Селивановский А. Поэзия и поэты, с. 178).

³ Зелинский Корнелий Люцианович (1896—1970) — критик, литературовед, один из организаторов группы «Литературный центр конструктивистов». В его архиве (ЦГАЛИ, ф. 1604) сохранилось 5 писем Пастернака за 1926—1958 гг. Вечер Пастернака под председательством Зелинского состоялся в Политехническом музее. По просьбе П. И. Лавуга, организатора вечера, автор нескольких статей о Пастернаке, литературный критик А. К. Тарасенков был приглашен сделать вступительное слово, однако Пастернак решительно отказался от такой программы. Вечер открыл председательствующий К. Л. Зелинский (сведения из воспоминаний поэта

Л. В. Горнунга, хранящихся в его архиве в Москве). Еще ранее Зелинский выступал на «Творческом вечере оргкомитета ФОСПа», состоявшемся 6 апреля 1932 г. (11 апреля — продолжение), на котором Пастернак читал стихи из «Второго рождения» (см.: Б. Н. Поэт и его окружение. На вечере Б. Пастернака. — Литературная газета, 1932, № 17, 11 апреля; сохранилась частичная стенограмма вечера: ИМЛИ, ф. 120, оп. 1, № 17). В очерке о Пастернаке, вошедшем в обзорную статью «Лирическая тетрадь», Зелинский анализировал книгу «Второе рождение», подчеркивая ее этапное значение, «внутреннюю цельность» и большую простоту в сравнении с прежними книгами (Год шестнадцатый. Альманах 1. М., 1933, с. 394—407; альманах редактировался М. Горьким).

⁴ Имеется в виду статья «Русский язык и литература» в «Британской энциклопедии» (1929), написанная Д. П. Святополк-Мирским. Пастернак охарактеризован в ней как «крупнейший из ныне живущих русских поэтов» (Encyclopaedia Britannica, vol. 19, p. 757). Подробнее см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979, с. 198.

⁵ Это заявление может быть поставлено в связь с обычным для Пастернака отношением к критическим оценкам в его адрес. Так, в письме к М. Горькому от 4 марта 1933 г. он пишет следующее: «Мне не на что жаловаться, Алексей Максимович, — в ничемности и несостоятельности всего мною сделанного я убежден горячее и глубже, чем это звучит в холодных и довольно еще снисходительных намеках критики...» (Архив А. М. Горького (далее: АГ), КГ-л 56-12-16). Кроме цитированной выше статьи, Селивановский уничтожающе раскритиковал роман в стихах «Спекторский» в статье «Поэзия опасна?», утверждая, что «линия сегодняшней поэзии Пастернака и линия искусства социализма расходятся» (Литературная газета, 1931, № 44, 15 августа). С тех же осуждающих позиций написаны его статья «Поэт и революция» (там же, 1932, № 55, 7 декабря) и статья в «Литературной энциклопедии» (т. 8. М., 1934, стб. 465—471). Возможно, что признание в «симпатии» к Селивановскому было сделано для того, чтобы косвенным путем избежать обиды критика, которому издательство могло объяснить снятие статьи недовольством его Пастернака. В этом плане совершенно нереально сообщение Н. И. Харджиева, сопровождающее публикацию статьи В. В. Тренина и Н. И. Харджиева «О Борисе Пастернаке» (в кн.: Boris Pasternak. Essays. Edited by Nils Åke Nilsson. Stockholm, 1976, p. 9—25), которая была написана в 1932 г. для «Литературной газеты», но там не появилась якобы потому, что Пастернак отдал предпочтительнее статье Селивановского. Редакция газеты предпочла напечатать статью Селивановского «Поэт и революция», поскольку она вскрывала «социологические корни становления поэта», чего не касались Тренин и Харджиев в своем анализе поэтики Пастернака и его литературной генеалогии. Приводимые Харджиевым слова Пастернака: «сейчас нужна самая примитивная панегирическая статья» (Харджиев в Н. И. История одной статьи («О Борисе Пастернаке»). — Ibid., p. 7—8) — скорее всего заключают попытку объяснить позицию самой «Литературной газеты». Странно звучит и предположение Харджиева о том, что Пастернак был «задет» их работой: статья Тренина и Харджиева, ограничивавшаяся анализом поэтики Пастернака, могла обидеть его в гораздо меньшей мере, чем критические выступления Селивановского, действительно не щадившего самолюбия автора. Описываемые Харджиевым отяжка с опубликованием статьи, протесты в связи с этим Э. Багрицкого и В. Шкловского, через которых она была заказана, служат подтверждением недовольства ею в редакции. Мнение же Пастернака не могло иметь значения при выборе того, что печатала или не печатала «Литературная газета».

⁶ Аналогично Пастернак отказывался от предисловия при издании своего первого стихотворного сборника «Близнец в тучах» (М., «Лирика», 1913). Издатель С. П. Бобров требовал статьи, полемически заостренной против символистов, Пастернак не захотел написать ее сам и всячески

старался избавиться от статьи, написанной Н. Асеевым; чтобы рассеять подозрения обидившегося Асеева, Пастернак вынужденно дал согласие на его предисловие (см. письмо Пастернака к А. Л. Штиху от 1 июля 1914 г.: Вопросы литературы, 1972, № 9, с. 146).

2

8 XII <19>32.

Глубокоуважаемый Григорий Эммануилович!

Простите, что надоедаю Вам, но, если возможно, переведите мне следующее по договору № 534 в нынешнем месяце в срок, и первую половину, или во всяком случае не меньше половины, — на самых ближайших днях: у меня сейчас нет денег, и Вас это не должно удивлять. Крупная часть посланной в 20-х числах ноября суммы пошла в погашение домашней задолженности, допущенной прежде; кроме того, переоценивая всегда будущие перспективы договоров, т. е. возможность их аккуратного соблюдения при общегосударственной финансовой конъюнктуре, я не отказываю иногда в поддержке кое-кому из знакомых, из тех, кому живется туже, чем мне; наконец, — и я хочу, чтобы Вы это знали, — у меня 6 иждивенцев, на мне две семьи, два полных отдельных хозяйства.¹ Вы не поймете меня, если присвоите сказанному какую-нибудь интонацию, кот¹рой в моих словах не содержится. Не только ни в чем не виноваты Вы и Вас ничего из сообщенного не касается, но, наоборот, я должен у Вас просить извинения, что посвящаю Вас в такие подробности, ибо такая нескромность бестактна. Но делаю я это в пояснение моей предосторожности. Я боюсь, что выполнить в точности оговоренные условия в этом месяце будет еще труднее, чем в предшествующем, и прошу Вас вовремя меня предупредить, потому что у меня на этот раз нет резерва и выхода, и мне надо вовремя найтись и что-нибудь придумать. Дня три-четыре как стал усиленно работать над прозой.²

Ваш Б. Пастернак.

¹ На попечении Пастернака была семья его первой жены Евгении Владимировны Пастернак, оставшейся с сыном, и новая семья — жена З. Н. Нейгауз и двое ее сыновей от первого брака. Варпацки числа иждивенцев от 6 до 7 человек (в следующем письме) зависят от палиция домашней работницы.

² Здесь мы встречаемся с первым упоминанием о работе над незавершенным романом (1932—1938). По всей вероятности, при встрече с Сорокиным в октябре 1932 г. Пастернак обещал ему представить это произведение для опубликования. В указателе «Издательство писателей в Ленинграде. Редакционный тематический план издательства на 1934 год Проект» ([Л.], 1934, с. 40) среди намеченных книг значится: «Б. Л. Пастернак. Новая повесть. Издание первое. Авт. лист. 6». 4 марта 1934 г. Пастернак писал Горькому: «Я долго не мог работать, Алексей Максимович, потому что работою считаю прозу, и все она у меня не вы-

ходила. Как только округлялось начало какой-нибудь задуманной вещи, я в силу материальных обстоятельств (не обязательно плачевных, но всегда все же — реальных) его печатал. Вот отчего все обрывки какие-то у меня, и не на что оглянуться. Я давно, все последние годы мечтал о такой прозе, которая, как крышка бы на ящик, легла на все неоконченное и досказала бы все фабулы мои и судьбы. И вот совсем недавно, месяц или два, как засел я за эту работу, и мне верится в нее, и очень хочется работать» (АГ, КГ-п 56-12-16). Отдельные фрагменты этого неоконченного произведения впоследствии были опубликованы: «Из нового романа о 1905 г.» (Литературная газета, 1937, № 71, 31 декабря), «Два отрывка из главы романа „Уезд в тылу“» (там же, 1939, № 69, 15 декабря), «Надменный нищий» (Огонек, 1939, № 1, с. 14—15), «Гетя Оля» (Тридцать дней, 1939, № 8—9, с. 31—35). Пыне все сохранившиеся фрагменты романа опубликованы по рукописи под заглавием «Начало прозы 36 года» (Новый мир, 1980, № 6, с. 175—205).

3

16 I <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Горячо благодарю Вас за все сделанное, и, хорошо зная нынешние условия, глазам своим не верю. Как мне Вас благодарить, и как мне совестно, что я такого Лазаря распустил почти что, может быть, накануне этого денежного ливня. Нелегко же, верно, далась Вам и издательству эта благотворящая буря. Тем ценнее она и тем более обязывает меня.

Известие о запрещении собранья¹ не могло, конечно, не огорчить меня, но прямо вслед за ним идущие новые доказательства Ваша незаслуженной и неслыханной заботливости обо мне, Вашей и товарищеской, все, разумеется, перевешивают, и — что сказать мне? Мало вариантов благодарности в словаре по комнате на Невском, 13, и просто слов недостает.² Спасибо же Вам всем, спасибо.

Что касается до самого запрещенья, то в моральном отношении оно даже скорее к стати. Они правы, что в отношении меня все это было как-то уже слишком, и все подряд, одно за другим. Меня и самого такое щеголянье творческой нищетой, не раз и не два, с возобновлениями, наперед смущало. Тут ведь с 1929 года по давно оплаченному договору Гихл мою прозу набирал, и вот, кажется, наконец выпустит весною.³ Так что все это к лучшему, культипроп высвободит меня из неловкости, в которую меня поставили бы житейские мотивы, непозволительно легко преодоленные. Буду преодолевать их по-другому, и подостойнее. Пишу что-то сейчас, какой-то сомнительный вздор и, что хуже всего, — точно не для печати. Впрочем, говорить еще не о чем, только что начал.⁴

Номер журнала с «Повестью» у Фаворского.⁵ Одна из невероятностей современного быта, — а может быть в особенности моего: я с ним ни разу не виделся, что, наверное, с моей стороны,

бестактно. Журнал с «Повестью» ему передали, и у меня нет другого. Но я это дело поправлю и скоро вышлю Вам текст.⁶

В дополнение ко всему услышанному примите еще одно мое уверенье. Совершенно особое и громадное Вам спасибо за Ваши письма, живые, щедрые и всегда урочные. Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный Вам

Б. Пастернак.

¹ 2 августа 1931 г. «Издательство писателей в Ленинграде» в лице своего заведующего С. М. Алянского заключило договор с Пастернаком на первый том собрания сочинений. Рукопись объемом 3000 стихотворных строк была представлена автором. Договор № 318 сохранился в архиве Пастернака. Этот договор явился следствием предложения Горького напечатать в данном издательстве серию избранных поэтов, от Державина до Блока и Пастернака. Из этой серии были исключены Пушкин, Лермонтов, Блок и Пастернак с тем, чтобы выпустить этих поэтов полными собраниями в том же издательстве (сведения взяты из письма Пастернака к З. Н. Нейгауз от 28 апреля 1931 г. — фотокопии хранятся в семейном архиве Пастернака). 3 марта 1933 г. Пастернак пишет Горькому: «Сейчас культпроп ЦК в общем порядке (то есть не в отношении меня одного) предложил Ленинградскому издательству писателей отказаться от моего собрания» (АГ, КГ-п 56-12-16).

² «Издательству писателей в Ленинграде» (пр. 25-го октября (Невский пр.), 13) удалось отстоять уже набранный первый стихотворный том собрания сочинений и издать его как «Стихотворения в одном томе».

³ Имеется в виду сборник прозы, включавший «Охранную грамоту», «Повесть», «Апеллесову черту», «Детство Люверс» и «Воздушные пути». За вычетом «Охранной грамоты» остальные повести появились в книге Пастернака «Воздушные пути» (М., ГИХЛ, 1933).

⁴ Расторжение договора на издание собрания сочинений отразилось на работе над прозаической книгой, которую Пастернак так и не смог окончить. «И большим, уже сказавшимся для меня счастьем было то, что начал я эту далекую затею в петропуготой еще иллюзии того, что собрание будет выпускаться, оно меня на этот срок или хотя бы на полсрока обеспечивало», — писал Пастернак Горькому 4 марта 1933 г. (АГ, КГ-п 56-12-16).

⁵ «Повесть» Пастернака напечатана в «Новом мире» (1929, № 7, с. 5—43). Фаворский Владимир Андреевич (1886—1964) — график и живописец, крупнейший художник книги, в частности автор марки издательства «Узел», в котором в 1926 г. вышла книга Б. Пастернака «Избранные стихи». «Повесть» была послана Фаворскому, который сотрудничал в «Издательстве писателей в Ленинграде», с просьбой оформить ее отдельное иллюстрированное издание. Фаворский жил в это время в Загорске.

⁶ Перспектива издания «Повести» в Ленинграде требовала скорейшей отправки Сорокину ее текста (см.: Пастернак Борис. Повесть. Рисунки В. Конашевича. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1934; сдано в набор 24 января 1934 г.).

4

30 I <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Я денег еще не получил, но не только в этом дело. Я знаю, что Вы и издательство ни в чем не виноваты, и привык за эти

годы скорее, как чуду, удивляться *исполнимости* простых вещей, нежели более естественной их неисполнимости.

Но мне хотелось бы, чтобы, как я о Вас, знали и Вы обо мне, что только дотерпев до последней крайности обращаюсь я к помощи телеграфа.

Я не знаю, что из того, что я скажу ниже, находится в пределах осуществимости и какая часть осуществимого будет издательством выполнена, однако как ни велика сумма в полторы тысячи ежемесячных, их едва хватает на меня и на семь мопх иждивенцев. Как бы ни сложились обстоятельства, все равно, двухмесячное существование двух семей, в денежной оценке, выразится в трех тысячах с лишним, и в долговой ли форме или какой-нибудь другой, может быть в будущем на врачей, но они будут израсходованы. Любопытно, что вся эта масса денег ухлопывается, не считая воспитанья детей, почти на один стол, при таком многолюдстве довольно умеренный.

Основную единицу этих расходов, постоянную и слишком мне известную, имел я в виду, когда, с Вашего согласия, определял цифру ежемесячного фикса по договору. Я не про то говорю, что это — контракт, или Ваше слово должно быть свято, — ах, дорогой мой, ведь с того я и начал свое письмо, что все эти химеры, в дрящемся этом сновидении бредовых наших условий, вероятно, неисполнимые, — а я на то напираю, что, назвав Вам свою цифру, я не мечту в ней выразил (о мебели или квартире, библиотеке или машине или путешествии), я не частичным ресурсом заручился (для «маневрирования», так что ли, — на такие, как сейчас вот, случаи), я назвал Вам голую, периодически восстанавливающуюся необходимость, я назвал Вам *три четверти* своей надобности. Я для того пускаюсь во все эти унижительные признанья, чтобы Вы ко мне отнеслись *серьезно*.

Когда я вскоре по возвращении в Москву усомнился в возможности бесперебойных выплат в регулярные сроки, Вы мне эти сомненья рассеяли, сначала в письме, а потом, в продолжение двух месяцев, и на деле. Большое спасибо. Но теперь опять мне трудно поверить, чтобы, выслав обещанную телеграммой тысячу (из январских), издательство спустя две недели было способно перевести мне новых две (остаток январских с февральскими)? А как ни притязательны эти расчеты, только такая сумма соответствует моим потребностям и договором допущенным ожиданиям. Не оставляйте меня в неизвестности, ложным образом переоценивая, *быть* может, мои ресурсы, вот главная моя просьба.

Сердечно благодарю Вас за милое письмо. Очень буду рад Вам, обязательно заходите. Звоните по телефону 1-71-64. Если меня не будет дома, попросите соседей (это их телефон) вызвать жену, Зинаиду Николаевну,¹ и ей обязательно назовитесь по имени, она с Вами сговорится. Если будет время, ответьте, по-

жалуйста, и в ответе коснитесь стороны материально-деловой, прошу Вас. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак.

¹ Зинаида Николаевна Нейгауз (урожденная Еремеева, 1897—1966) стала женой Пастернака в 1931 г.

5

⟨18 февраля 1933⟩.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Назовем однотомику:

Собрание стихотворений
в одном томе

так мне кажется всего проще и лучше.

Как понравилась Вам работа Кравченко? ¹ Он очень одаренный художник, и одно удовольствие было наблюдать его работу. К сожаленью, я неважно позировал ему, т. е. принял неудачную позу, напряжение которой отозвалось на лице: выражение лица часто менялось и при легком утомлении уже становилось неестественным. Коротче говоря, если работа не так удачна, то виноват не автор, а модель. Мне интересно, что Вы скажете о голове: самому мне судить трудно, я за ее созданием следил шаг за шагом и привыкал постепенно, так что свежести и непосредственности в суждении о ней у меня нет.

Спасибо Вам и главными образом Елене Михайловне,² что направили Анатолия Никифоровича ко мне: знакомство это доставило мне большую радость.

Сердечный Вам и всем друзьям привет. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак.

Григорий Эммануилович, если это не составит трудности, распорядитесь, пожалуйста, перевести мне деньги как в прошлый месяц.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Портрет Пастернака, выполненный художником-портретистом и графиком Анатолием Никифоровичем Яр-Кравченко (род. в 1911 г.), воспроизведен на фронтисписе «Стихотворений в одном томе».

² Тагер Елена Михайловна (1895—1964) — писательница; в 1930-е годы работала в «Издательстве писателей в Ленинграде». См. о ней биографическую заметку Т. Ю. Хмельницкой в кн.: День поэзии. 1965. М.—Л., 1965, с. 295—296.

14 III <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович.

Впридачу к неприятности с собранием у меня тут случилась повая: из Гихловского сборника предложили мне изъять «Охранную грамоту» под тем предлогом, что вещь эта встретила у писателей резкое осуждение и было бы неуважением к товарищеской среде выпускать ее сызнова — в такой форме делаются сейчас запрещения. Руководство Гихла было на моей стороне, но ничего не могло поделать, и теперь проза выйдет без «Охранной» Грамоты». ¹

В предотвращение каких-нибудь новых и еще певедомых неожиданностей я написал Горькому. ² Я не знаю, пойдет ли он пужным ответить мне или что-нибудь сделать, но я написал ему и про казус с собранием, во всех подробностях, т. е. как про случай из целого ряда, а не единичный. Притязательную эту попытку я сделал ради поглотившей меня в последние дни работы, от которой, может быть, будет когда-нибудь какой-нибудь прок, если ей отдаться целиком и главное надолго. Когда б не это, желание отстоять собрание было бы некрасивейшей претензией, от которой, вероятно, совесть бы меня удержала.

Но А. М., наверное, не ответит мне: ³ когда он тут был, я как-то не попадал на его собрание.

Что слышно об одиотомнике, скоро ли он выйдет? ⁴ Всего Вам наилучшего. Если будет желание черкнуть, сообщите о Федине и об Ахматовой. Как и что они? Всем друзьям самый сердечный привет.

Ваш Б. Пастернак.

¹ Книга «Воздушные пути» вышла в составе четырех прозаических произведений Пастернака (см. примеч. 3 к письму 3). Решение об изъятии из нее «Охранной грамоты» было принято под влиянием критической кампании, которая была развязана после выхода в свет отдельного издания этой автобиографической повести (Пастернак Борис. Охранная грамота. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1931) и отличалась резким «проработочным» тоном, вполне в духе «рапповских» вульгарно-социологических тенденций. Так, в «Литературной газете» (1931, № 68, 18 декабря) под общей рубрикой «Искусство социализма и буржуазное реставраторство» книга Пастернака вместе с романами «Сумасшедший корабль» О. Форш и «Художник неизвестен» В. Каверина была осуждена как «попытка буржуазного реставраторства в искусстве, апологетика буржуазного искусства». В напечатанной там же под этой рубрикой статье А. К. Тарасенкова «Охранная грамота идеализма» творческий метод Пастернака определялся как субъективно-идеалистический, были осуждены художественные симпатии автора (Скрябин, Рильке, Андрей Белый, Блок) и его «косность непреодоленной буржуазной интеллигентности». В целом «Охранная грамота» была истолкована как «уход в идеалистическое созерцательство, аполитизм, сопряженный в своем объективном развитии с уходом от пролетариата в стан его прямых врагов». См. также

статью Р. Миллер-Будницкой «О „философии искусства“ Б. Пастернака и Р. М. Рильке», посвященную в основном «Охранной грамоте» (Звезда, 1932, № 5, с. 160—168).

² Письмо к Горькому от 4 марта 1933 г. не вошло в состав изданной переписки Горького и Пастернака (Литературное наследство, т. 70. М., 1963, с. 295—310; публикация Е. Г. Коляды). Оно содержит просьбу вновь поддержать выдвинутую Горьким в 1931 г. идею издания собрания сочинений. Прозу Пастернака Горький, как известно, ставил очень высоко и ценил больше его стихов. См. предисловие Горького к «Детству Люверс» для предполагавшегося издания на английском языке (там же, с. 308—310). Об «Охранной грамоте» Горький тоже отзывался высоко. Разговор о ней с Горьким Пастернак воспроизводит в письме к жене от 14 июня 1931 г.: «Сегодня утром видел Горького. Не присился, вышло случайно. Принял почти что с нежностью, — веселый, свежий, крепкий, — любо-дорого глядеть. Про „Охранную грамоту“: — „густо, яростно — замечательно!“» (цит. по фотокопии, находящейся в семейном архиве Пастернака). Для закрепления за советскими писателями авторского права во всем мире Горький планировал в ряде случаев первоначально издавать их произведения за рубежом. Такая попытка была сделана им и в отношении «Охранной грамоты». Излагая обстоятельства изъятия «Охранной грамоты» из сборника, Пастернак писал Горькому: «Больно мне это главным образом тем, что „Охранная грамота“ показывала бы лицо автора. Из нее всякому было бы видно, что он не обожествляет внешней формы, как таковой, потому что все время говорит о внутренней, что он не оскаруальствует, что считает он горем, а не достойным подражания „фрагментаризмом“ незаконченную отрывочность всего остального, за вычетом одной „Охранной грамоты“, матерьяла сборника. А теперь ко всем этим вредным недоразумениям будет достаточный повод» (АГ, КГ-п 56-12-16). Пастернак просит содействия ради начатой недавно работы над романом, которая требует средств и времени.

³ Видимо, Горький передал через секретаря, что займется этим делом после своего возвращения из Италии в СССР в мае 1933 г. Пастернак письмом от 8 апреля 1933 г. благодарил его за этот ответ (АГ, КГ-п 56-12-17).

⁴ Сборник «Стихотворения в одном томе» подписан к печати 15 января 1933 г.

7

21 IV <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Кравченко передал мне привет от Вас и Ваши извиненья, что не ответили мне. Если у Вас недосуг, не торопитесь писать мне, — подожду. Деньги получил, — большое спасибо. Но опять, как уже как-то раз при большой задержке, поставлен в угнетающую меня необходимость просить новых. Ну да теперь не Вас придется об этом беспокоить, и как жаль, что не Вас. С величайшим сожаленьем узнал о перемене в руководстве издательством.¹ Как ужасно это всегда у нас: чуть что-нибудь наладится и — хлоп: точно успешность дела кому глаза мозолит.

Нового заведующего я не знаю и почему-то опасаюсь, что новизны ради и в целях контраста он все плюсы в обыкновенных издательствах сменит на минусы, и в частности, касающихся меня, найдет, что я был избалован чрезмерным дружелюбием,

которое для выпуклости надо перебить недружелюбием. Впрочем, не зная его, ничего не могу сказать. Но Вы ему что-нибудь обо мне напишите.

К Вам же у меня просьба. Мне бы очень хотелось Блока иметь,² а также *получить оба томика Петрова-Водкина.*³ Не будет ли какой оказии? Стенич⁴ сюда часто ездит и нам очень нравится.

Большой редкостью была для меня книжка Спасского. Просто в глаза бросается, до чего поэтически-содержательная это поэзия: серьезная, существенная. Я у него в большом долгу. Хотелось ему написать, но я так хвалил всем книжку, что теперь ума не приложу, кому из своих гостей позволил взять ее на прочтение. А другое поздравление (с прибавленьем) хотел соединить с первым. Воображаю, что он обо мне думает! Все это Вам не для передачи, и даже с просьбой не передавать, — я ему сам напишу.⁵

В середине зимы немного работал, но работы ни к каким положительным результатам не привел. Бросил ее с месяц <...>

Дорогой Григорий Эммануилович, спасибо Вам большое за все.

Пусть предупредят меня из издательства, если предвидятся какие-нибудь изменения в моих с ним взаимоотношениях и их порядке. Зое Александровне⁶ привет. Очень бы она или Вы меня обязали, если бы сообщили, с кем мне сноситься по деловым вопросам.

Текст «Повести» на днях, теперь уже самых ближайших, пришло.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Б. Пастернак.

¹ Какую «перемену» подразумевает Пастернак, неясно.

² Имеются в виду первые тома собрания сочинений Блока, начатого печатанием в «Издательстве писателей в Ленинграде» в 1932 г. К весне 1933 г. вышли в свет первые четыре тома (стихотворения) и седьмой том (переводы), подготовленные Р. В. Ивановым-Разумником.

³ Речь идет об автобиографических книгах К. С. Петрова-Водкина, вышедших в «Издательстве писателей в Ленинграде»: «Хлыновск. Моя повесть» (1930) и «Пространство Эвклида. Моя повесть. Ч. 2.» (1932; вышла в свет в начале 1933 г.).

⁴ Стенич Валентин Иосифович (настоящая фамилия Сметанич, 1902—1937) — переводчик.

⁵ Речь идет о книге стихов поэта и прозаика Сергея Дмитриевича Спасского (1898—1956) «Да» («Изд-во писателей в Ленинграде», 1933). В ней два стихотворения посвящены Б. Пастернаку — «Поэту» («Подвластен улиц чертежу...») и «Дорогой мой, вот проходят...». 30 апреля 1933 г. Пастернак писал Спасскому и его жене С. Г. Спасской-Каплун: «...я так много думал о Вас обоих и так часто говорил с другими о книжке Сергея Дмитриевича, Вас же самих оставил без знака об этих разговорах». «Двойное поздравление», о котором пишет Пастернак Сорокину и с которым он обратился к Спасским, включало в себя также и поздравление с рождением дочери Вероники. Далее Пастернак характеризует книгу «Да», отмечая в ней «значимость каждого слова», т. е. тот «авторитет удачи или зрелого развития, без которого поэзия недвусмыс-

ленно-существенная не возможна» (Вопросы литературы, 1969, № 9, с. 174—175).

⁶ Зоя Александровна Никитина (1902—1973) — секретарь «Издательства писателей в Ленинграде»; в 1920-е годы жена писателя Н. Н. Никитина, редактор в журнале «Звезда», затем жена писателя М. Э. Козакова. С Пастернаком была знакома с 1920-х годов. О ней в пору работы в «Издательстве писателей в Ленинграде» см.: Левин Ф. Из глубин памяти. Воспоминания. М., 1973, с. 82—83.

8

17 V <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Горячо благодарю Вас за большое письмо и столь же горячо — за одностомник.¹

Ну, заслуживаю ли я всего этого: внешнего вида, сорта бумаги, типографской красоты и опрятности! И кто будет покупать эту, *далеко недостаточно* изнутри (глубиной содержания) оправданную драгоценность?² Замечательно воспроизведен портрет. А главное. Так как лучшим, что я за всю свою жизнь сделал, была «Сестра моя жизнь», то путем какой-то идиосинкразии у меня общее ощущение ее духа (ну наподобье почерка, что ли) связалось с типографскими особенностями ее вида (особенно во 2-м издании «Двух книг»).³ И характер этот (шрифт, продолговатый формат и пр.) соблюден так удивительно в одностомнике, что у меня такое чувство, будто я собран вокруг лучшего и счастливейшего своего. Или скажу еще прямее: существо «Сестры моей жизни» как-то просто-таки колдовски выражал *внешний вид ее оглавления*: у оглавления этого какой-то живой образ был, ближе неопределимый, бахчисарайской какой-то решетки со струнными шпалерами для вьющихся побегов — или еще более расплывчатого какого-то вздора, частого, сетчатого, таинственного и безмолвного, с большим летним светом в глубине. — И вот форма такого оглавления получилась у всего одностомника. Весь я, все множество слабейших и скучнейших вещей пропущено *сквозь оглавление «Сестры моей жизни»*. Для превращения этого сам я никаких оснований не подал, оно тоже — незаслуженная типографская случайность, но — счастливая, жизненная и чудесная.

Да, — но, повторяю, — кто будет это покупать? Особенно по выходе избранных в Федерации?⁴ Теперь лягу и я в книжные залежи, дождался, и поделом, своего часа. Книга издана замечательно, с неподобающей мне торжественностью, но это конец мой, если не навсегда, то надолго.

И действительно. Нельзя ведь в самом деле целый год вкосьмером жить одними комбинациями переизданий, при такой бедности багажа, подлежащего переизданию.⁵

А мне опять деньги нужны! 6-го получил 950 р., сердечно благодарю Вас. И опять их нет. Известите меня, прошу Вас проникновенно, — в каком состоянии наши расчеты? Сообщите мне это так же ясно и исчерпывающе, как сделали это, когда я был у Вас в Ленинграде, помните? Вы затребовали тогда несколько справок, взглянули и сказали. Очень, очень прошу Вас. И денег, если можно.

И нужна ли Вам «Повесть»?⁶ Теперь я могу ее выслать. Вышло ли что-нибудь с Фаворским или он отказался? Глупо, конечно, спрашивать, живя тут в Москве, Вас в Ленинграде, но — такова суетолака обихода.

Но Вы — удивительный и слов нет Вам в похвалу и благодарность. У меня было готово письмо к Вам, и запечатано было, когда пришло Ваше и лишило мое смысла. И мое кончалось так: — и Державина, пожалуйста, очень, очень прошу Вас!⁷ И вот Вы сами о нем вспомнили и пообещали! Еще раз от души благодарю Вас.

Ужасно хочется пожить еще и поработать. И только на днях взялся за брошенное зимой. И так на волоске все, если бы Вы знали! Спугнут, оторвут от дела, и кончено, на месяцы. Ведь все это гибель (однотомник, положенье дел и пр.), а? Крепко, крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Б. П.

¹ «Стихотворения в одном томе» Б. Пастернака, вышедшие в свет в мае 1933 г.

² Цена книги — 14 рублей.

³ Пастернак Б. Две книги. Стихи. Изд. 2-е. М.—Л., ГИЗ, 1930 (в книгу вошли «Сестра моя — жизнь» и «Темы и вариации»).

⁴ Речь идет о книге: Пастернак Б. Избранные стихи. М., «Федрация», 1933. Цена книги — 6 рублей.

⁵ В 1933 г., кроме «Стихотворений в одном томе» и «Избранных стихов», вышла в свет также книга прозы Пастернака «Воздушные пути».

⁶ Имеется в виду отдельное издание «Повести», намеченное в «Издательстве писателей в Ленинграде».

⁷ Имеется в виду книга: Державин. Стихотворения. Ред. и примеч. Гр. Гуковского. Вступит. статья И. А. Виноградова. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1933 (вышла в мае). Это был первый выпуск большой серии «Библиотеки поэта», открывавшийся статьей Горького «О „Библиотеке поэта“». См.: «Библиотека поэта». Аннотированная библиография (1933—1965). Общий план. Составители В. М. Абрамкин и А. Н. Лурье. М.—Л., 1965, с. 28—30. Решение начать издание этой серии было принято на совещании 27 мая 1931 г.; тогда же определилась и ее редколлегия под председательством Горького, в которую был привлечен и Пастернак (другие члены редколлегии: И. А. Груздев, В. М. Саянов, А. П. Селивановский, Н. С. Тихонов, Ю. Н. Тынянов). Первоначально заведующим редакцией «Библиотеки поэта» был Сорокин, в 1934 г. его сменил А. Г. Островский (см.: Беловицкая А. А. До выхода первого тома «Библиотеки поэта». — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 350). Ко времени работы Сорокина в «Библиотеке поэта» относится сохранившееся в его архиве официальное письмо Пастернака другим членам редколлегии серии:

«Редакционной коллегии „Библиотека поэта“.

Дорогие товарищи.

Ко мне обратился литературовед Эйгес, Иосиф Романович, с предложением сделать для библиотеки Жуковского (редакцию, а также и статью и все прочее), как Вы на это смотрите? Он в разное время работал над Жуковским, печатал работы и читал доклады, прямые и косвенные на свою тему (Блок и Жуковский, влияния Жуковского в русской поэзии и др.). Его работы одобряли Сакулин, Вяч. Иванов и М. Гершензон, их, кажется, знает Борис Михайлович Эйхенбаум. Жуковский под его редакцией (избранный?) был выпущен Универсальной библиотекой.

Адрес И. Р. Эйгеса: ул. Грановского, д. 2, кв. 26. Москва.

С общим товарищеским приветом

Б. Пастернак.

22 VII <19>33» (ИРЛИ, ф. 519, № 507). Эйгес Иосиф Романович (1887—1953) — художественный критик, литературовед, сотрудник Государственной академии художественных наук, Всесоюзной книжной палаты; автор вступительной статьи и примечаний в кн.: Жуковский В. А. Стихи и проза. Лирические стихотворения и философские очерки. М., [1916] («Универсальная библиотека»). Предложение Пастернака не было принято. Стихотворения Жуковского были изданы «Библиотекой поэта» в 1930-е годы дважды — в малой серии (1936) и в большой серии (т. 1—2, 1939—1940), под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Ц. С. Вольпе.

9

2 VI <19>33.

Дорогой Григорий Эммануилович.

Не знаю, как Вас благодарить за деньги, только что полученные. Большое, большое Вам спасибо.

Благодарю Вас также за Державина. Какое замечательное, нет, — какое *гениальное* издание! Ведь Вас и издательство премировать надо! А над Вами начальников назначают.

Сообщите, что мне сделать, чтобы Вам доставить какую-нибудь действительную приятность?

Если будет время, черкните также, что с «Повестью», и затем, спустя большое время, когда у Вас будут данные: велики ли признаки перасходимости очень дорогого однотомика, судьба которого, верно, составит из: 1) высокой стоимости книги, 2) факта появления нескольких моих книг в конце прошлого года¹ и 3) того, наконец, факта, что и книги, всякие книги, начали покупать умереннее, чем было раньше, в силу общего безденежья.

На дороговизну однотомика жалуются, но это тем менее должно звучать упреком для Вас, что скорее я готов, наоборот, к Вашему с этой стороны упреку, так как знаю, какую тяжестью должен был лечь мой гонорар на калькуляцию издания, и полон страха, не делаю ли им прорыва Вам и издательству.

Крепко жму Вашу руку и еще раз благодарю Вас от всего сердца.

Ваш Б. Пастернак.

Когда же Вы приедете и зайдете.

¹ В 1932 г. вышли в свет книги Пастернака «Второе рождение» (М., «Федерация», 1932), «Девятьсот пятый год» (Изд. 3-е. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1932).

10

⟨Москва, 16 сентября 1933⟩.

Дорогой Григорий Эммануилович!

С приездом.¹

Последовательно получил от издательства в начале месяца тысячу, и сегодня еще 500 р. — большое спасибо. Передайте также благодарность З⟨ое⟩ А⟨лександровне⟩² — это не без Вас обоих.

Жить эту зиму буду еще строже, чем прошедшую. Это не письмо. Как-нибудь напишу по-человечески. Привет.

Ваш Б. П.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Видимо, имеется в виду возвращение Г. Э. Сорокина в Ленинград из Коктебеля после летнего отдыха.

² См. примеч. 6 к письму 7.

11

5 XI ⟨19⟩33.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Если высланные в октябре 500 р. не последние выжимки истощившегося наконец благополучья, то не откажите поторопить бухгалтерию, чтобы деньги передали поскорее и более крупную порцией.

Это особенно пужно теперь, потому что, по всей вероятности, я на днях должен буду уехать в Тифлис,¹ ничего не оставив дома. Перевод адресуйте мне, на Волхонку, в обычном порядке, как если бы я не выезжал: я жене оставляю доверенность.

Если бы деньги задержались и у меня явилась бы надобность телеграфно потревожиться об этом из Тифлиса, то смысл этой тревоги был бы тот же: деньги нужны домой в Москву (на мое имя), а не мне лично в Тифлис.²

Я стал было переводить соврем⟨енных⟩ груз⟨инских⟩ поэтов и вдруг все дело споткнулось об их невозможную лень: никак не

добиться от них подстрочников для переводов. Только затем и еду в Тифлис, по почте этого не уладить. Не безобразье ли? Я бы на это дело плюнул, если бы не был связан договором на книгу (Московское Товарищество Писателей).³

Простите, что ограничиваюсь денежными вопросами, но перед отъездом много дел, хотя и беспредметных, но отнимающих время.

Если у Вас есть возможность увидеть Николая Семеновича и есть возможность на него повлиять, склоните его к поездке с грузинской бригадой. Я только оттого в нее включился, что мне был обещан Тихонов, и перспектива трехдневного общения с ним в вагоне была для меня главной географической приманкой путешествия.⁴ Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный Вам Б. П.

¹ С 17 по 29 ноября 1933 г. Пастернак вторично посетил Грузию (первый приезд — летом 1931 г.) вместе с бригадой оргкомитета Союза писателей СССР «по связи с литературой Грузии», в состав которой входили кроме него П. А. Павленко (руководитель бригады), Н. С. Тихонов, О. Д. Форш, В. В. Гольцев, В. А. Каверин, а также Ю. Н. Тынянов, побывавший в Грузии в октябре (см.: Маргвелашвили Г. Выход в Грузию. — Литературная Грузия, 1972, № 11, с. 29; Бebutov Г. Отражения. Воспоминания, статьи. Тбилиси, 1973, с. 63—67).

² 21 ноября 1933 г. Пастернак писал жене из Тифлиса: «Меня начинает беспокоить, есть ли еще у тебя деньги. Почему-то я не так уверен в исполнимости Сорокина, как был до сих пор...». На следующий день он посылает телеграмму в Ленинград, о чем сообщает жене 23 ноября (семейный архив Пастернака). Об этой же телеграмме и высланных в ответ денег говорится в письме 12.

³ «Московское товарищество писателей» (1925—1934) — кооперативное издательство, в 1934 г. вошло в издательство «Советский писатель». 23 октября 1933 г. Пастернак писал Тициану Табидзе (видимо, посылая письмо с уезжавшим из Москвы в Тифлис Паоло Яшвили): «... я подписал договор на книгу переводов, как, может быть, уже писал Вам. Я начинаю серьезно беспокоиться за судьбу этой книги. Я должен сдать ее к концу января, и легко бы справился с работой, если бы знал язык и не нуждался в помощи самих переводимых. Паоло был тут очень занят и мог мне дать лишь незначительную часть из того, что я у него просил... Я хотел перевести Важа Пшавелу, Паоло, Вас, Гаприндашвили, Леонидзе, Надирадзе (Мицишвили, если он пишет стихи), Чиковани и еще дать переводы из Галактиона Табидзе и Гришашвили. Паоло, кроме того, советовал присоединить к ним Шаншиашвили, Абашели, Лордкипанидзе, Каладзе и Машашвили. От них нужно получить подстрочники, но в самом спешном порядке. Все это должно быть доставлено в течение ноября месяца. Ничего из того, что будет прислано позднее, я перевести не смогу по обстоятельствам договора... прошу Вас помочь мне в раздобывании подстрочников только у тех из перечисленных, где это будет делаться легко и с охотой» (Табидзе Тициан. Статьи, очерки, пререписки. Тбилиси, 1964, с. 246—247). См. также письма Пастернака к Б. Д. Жгенти от 6 октября 1933 г. и к Тициану Табидзе от 12 октября 1933 г. (Вопросы литературы, 1966, № 1, с. 175—176). Сроки представления переводов определялись подготовкой к Всесоюзному съезду писателей, но уложиться в них Пастернак не смог (причины задержки он излагал в письме к П. М. Фолян от 14 февраля 1934 г.: Литературная Грузия, 1966, № 1, с. 80—82). Первым из его переводов вышел «Змеед»

(Важа Пшавела. Эпосы. Пер. с груз. Б. Пастернака. Тифлис, 1934), затем его книга «Грузинские лирики» (М., 1935) и «Поэты Грузии в переводах Б. Пастернака и Н. Тихонова» (Тифлис, 1935). Переводы Пастернака были расценены критикой чрезвычайно высоко. См. статьи «Пастернак и грузинские поэты» (1935) Д. П. Мирского (Мирский Д. Литературно-критические статьи. М., 1978, с. 253—265), «О книге Б. Пастернака „Грузинские лирики“» (1935) Т. Табидзе (Табидзе Тициан. Статьи, очерки, переписка, с. 132—133), «О грузинских переводах Пастернака» А. К. Тарасенкова (Знамя, 1935, № 9, с. 201—209), «Поэты Грузии и Борис Пастернак» В. В. Гольцева (Красная новь, 1936, № 1, с. 228—237), а также рецензию Д. Выгодского на книгу «Грузинские лирики» (Литературный современник, 1936, № 1, с. 235—236).

⁴ Пастернак познакомился с Н. С. Тихоновым в начале 1924 г. в «левовском» кружке. Тихонов привлек его внимание недавно вышедшим сборником стихов «Брага» (М.—Пг., «Круг», 1922). За написанным виделась реальная биография человека, семь лет прошедшего на войне. Позитивная энергия и мужества, отражающая не выдуманное, а кровно пережитое, вызвала в Пастернаке горячие симпатии: «Вы поэт моего мира и понимания, лучше не скажешь и нечего прибавлять», — писал он Тихонову 21 апреля 1924 г. Тихонов привлек Пастернака к участию в ленинградском альманахе «Говш» (1925). Бывая в Москве, он оставался у Пастернаков. В письме 1928 г. Пастернак называет Тихонова «почти своим младшим братом». При содействии Тихопова Пастернака стало печатать «Издательство писателей в Ленинграде». Поездка в Грузию в составе писательской бригады, совместная жизнь в гостинице «Ориент» и общая работа над переводами грузинской поэзии открыли для Пастернака новые возможности применения своих сил. В январе 1936 г. в речп на первом всеозыпом совещании переводчиков Пастернак, говоря о практике и результатах этой работы, сказал, что она осчастливила и его и Тихонова: «Думаю, что мы кое-что дали вам и тем, которые пойдут по вашим стопам. Пусть не все совершено, но мы ознакомили публику с изумительной, огромной поэзией» (Литературная Грузия, 1968, № 8, с. 39). Сопоставительную характеристику кавказских стихов Тихопова и Пастернака см. в статьях Н. Л. Брауна «Слово о критике» (Литературный Ленинград, 1936, 8 февраля, с. 3) и А. К. Тарасенкова «На поэтическом фронте» (Знамя, 1938, № 1, с. 264—265). Переписка Пастернака с Тихоновым печатается в томе «Литературного наследства» «Из истории советской литературы 20—30-х годов».

12

4 I <19>34.

Дорогой Григорий Эммануилович!

Давно-давно собираюсь написать Вам и, частью, о делах. Но то в отъезде был с грузинской бригадой, то в домашних хлопотах: по приезде из Тифлиса попал под обстрел детских болезней такой частоты, что это покажется Вам выдумкой: корь, скарлатина, ветряная оспа и все это у двух малышей «Зинаиды» Николоаевны, и все — подряд.¹ Но не бойтесь, пишу Вам из квартиры, продезинфицированной формалином. В физическом смысле письмо мое совершенно безвредно, но певинно оно также и в нравственном.

В прошлом году мечты о прозе так тесно связались у меня с перепискою с Вами и с издательством, что стоило ей заглох-

путь, чтобы я и думать позабыл о прозе, точно ее никогда и не задумывал. И правда, я далек теперь ото всего этого и совершенно в стороне от несуществующих и плохо осуществимых планов.² Порядочно мукой были для меня мои неоправдывавшиеся «порыванья», и я счастлив, что эти предположения временно отложил. Зато я по уши ушел в переложенья с грузинского, работу подчас даже радостную и увлекательную.

Верьте мне, что вопрос мой будет совершенно академический и что он никакою безвыходностью не продиктован. Расплата по односторонним и другим договорам так долго меня кормила, что к концу мне уже неловко стало прибегать к этому источнику, и лишь на расстоянии от дома, не сумев издалека управиться как-нибудь по-другому, осмелился я в последний раз протелеграфировать издательству о деньгах из Тифлиса. Это было тотчас же улажено, — спасибо.

Но если, как я сам всего скорее думаю, эту последнюю тысячу все Эльдorado наконец исчерпано, я хотел бы об этом подтвержденья, т. е. проще говоря: попросите, пожалуйста, когнибкудъ в издательстве известить меня, так ли это или нет, не более того, и, в случае отрицательном, — каков остаток.

Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы мне что-нибудь о себе самом и общих друзьях написали. Не шутя, — я только не сумел это выразить выше — для меня слились в одно целое Вы, издательство, Ленинград, Спасские и Чуковские и, наконец, мои последние надежды и претензии *работать самостоятельно*. Не подумайте, пожалуйста, что в последнем мне мешало что-либо вне меня лежащее, — напротив: поддержка была отовсюду, и, сильнейшая, — с Вашей стороны. Не суждено было это совсем по другому, это долгий разговор, да, по правде говоря, мне и самому не все тут ясно. Теперь все это вытеснила Грузия и переход на второразрядные задания. Но Грузия — комплекс непроходимой восхитительности,³ и случившемуся надо радоваться, а не жалеть об этом. Я что хочу сказать: весточка от Вас была бы для меня известием из очень сложного и милого прошлого, с которым я вынужден временно расстаться, чтобы потом, спустя какой-то срок, другим вернуться к нему.

Ваш Б. П.

¹ Ср. письмо Пастернака П. М. Фоляну от 14 февраля 1934 г.: «Дети переболели корью, скарлатиной и ветряной оспой, мальчиков разделили, определяли в больницу, в квартире делали дезинфекцию и пр. пр.» (Литературная Грузия, 1966, № 1, с. 81). Об этом Пастернак подробно пишет Н. С. Тихонову 4 января 1934 г. (архив Н. С. Тихопова; подготовлено к печати в «Литературном наследстве»).

² Пастернак снова принимается за работу над романом, о чем пишет отцу 25 декабря 1934 г.: «А я, хотя и поздно, взялся за ум. Ничего из того, что я написал, не существует. Тот мир прекратился, и этому новому мне печего показать. Было бы плохо, если бы я этого не понимал. Но по счастью я жив, глаза у меня открыты, и вот я спешно переделываю себя в прозаика диккенсовского толка, а потом, если хватит сил,

в поэты — пушкинского. Ты не вообрази, что я думаю себя с ними сравнивать. Я их называю, чтобы дать тебе понятие о внутренней перемене. Я бы мог сказать то же самое по-другому. Я стал частицей своего времени и государства, и его интересы стали моими» (семейный архив Пастернака).

³ Ср. письмо Пастернака к Паоло Яшвили от 30 июля 1932 г., в котором он признается, что поразился пережитому в Грузии, «как немыслимости и легкости»: «Этот город (Тифлис, — *Ред.*) со всеми, кого я в нем видел <...> будет для меня тем же, чем были Шопен, Скрябин, Марбург, Венеция и Рильке, — одной из глав Охранной грамоты, дящейся для меня всю жизнь, одной из глав, как вы знаете, немногочисленных; одной из этих глав и, в выполнении, — ближайшей по счету» (Вопросы литературы, 1966, № 1, с. 173). Свой замысел дополнительной «главы о Кавказе» к «Охранной грамоте» Пастернак отчасти реализовал в автобиографическом очерке «Люди и положения» (1956—1957). См.: Новый мир, 1967, № 1, с. 234—236.

13

5 I <19>34.

Дорогой Григорий Эммануилович.

Едва успел отправить вчерашнее заказное, как пришли по телеграфу деньги, — очень кстати, хотя я их и не ждал. Все же просьба письма остается в силе, или даже две: 1) чтобы из издательства сообщили, в каком положении наши расчеты, т. е. исчерпаны ли все суммы или нет (не удивляйтесь, пожалуйста, что сам я сосчитать всего этого не сумел бы), и 2) чтобы Вы как-нибудь написали мне. За посланное большое спасибо. Сейчас отправлюсь за женой, перевозить домой с больным мальчиком, и потом, после описанного в письме перерыва, — за работу. Крепко жму Вашу руку. Сердечнейший привет Спасским, Чуковским и З. А. <Никитиной>. — Собираюсь написать Спасскому: С. Г. (жена его)¹ была у нас в мое отсутствие, и приведенная заботами в крайнюю рассеянность Зинаида Николаевна (моя жена) сначала ее не узнала, а потом забыла толком расспросить, где она проведет остаток дня и как разыскать ее, когда бы я вернулся. Очень сожалел.

Ваш Б. П.

¹ Софья Гитмановна Спасская-Каплун (1901—1962) — скульптор.

14

11 2 <19>34.

Дорогой Григорий Эммануилович.

Все время собирался Вам написать после известья о Вашем посещении и опять довел это до необходимости писать прямо о деле, и в очень срочном порядке.

Все-таки жалко, что Вы не наведались потом еще раз, как обещали Зинаиде Николаевне. И потом вот еще что. Когда

на похоронах Белого ко мне подошла, как я узнал впоследствии, жена Ваша,¹ я должен был произвести на нее впечатление непонятливого идиота. До того я был поглощен ходом похорон (не только со стороны душевной, но и технической). Со Спаским, которого я увидал среди провожающих, я поздоровался только спустя несколько часов, в крематории. Когда молодая женщина со знакомым, как мне показалось, лицом, назвала мне Сорокина, я стал ассоциировать сказанное с одним московским Сорокиным² и с тем, что и его нет на похоронах, как и множества москвичей (как член похоронной комиссии я эти знаки внимания или невнимания воспринимал почти кровно). Затем я задумался над тем, где именно видел эту даму. В крематории она стояла в головах у гроба, как раз против меня.³

Теперь я знаю, кто она. Если Вам удастся, уверьте ее, пожалуйста, что в следующую встречу я не буду так бестолков, как в первую, что Вам случалось слышать от меня вещи вполне связные, нормальные. И, вместе с приветом, попросите у нее от моего имени извиненья.

Жена, как мне кажется, сказала Вам некоторую часть того, что Вы услышали бы, если бы меня застали. Если обратиться к деловой стороне сказанного, то еще раз сердечно Вам спасибо за поддержку в течение этих двух лет. Она права (и знала мое мнение): опять переиздавать что-нибудь просто неудобно и пользоваться форсированными договорами было бы с моей стороны бессовестно.

И вот, в явном, как Вам на первый взгляд покажется, противоречьи — существо моей просьбы. Ознакомьтесь, пожалуйста, с прилагаемой бумагой, и не откажите мне в услуге: внесите пожалуйста за мой счет 1000 руб. дирекции Гос. театра оперы и балета.⁴

Содержание бумаги соответствует истине, все это так и было, и деньги надо вернуть. Если мне с Ленинградского Издательства Писателей уже получить не за что, авансируйте меня, пожалуйста, этой суммой (в счет участия в составлении грузинского томика Библиотеки поэта, что ли)⁵ и внесите ее в указанный бумагой срок.

Радлов предлагал мне через Анну Дмитриевну⁶ погасить эту задолженность какой-нибудь другой работой, даже, может быть, какой-нибудь пустяковой, — словом, ни с чьей стороны тут никакой не деликатности не допущено, свою же вину я хочу загладить именно так, как пишу Вам. Юриконсульту пока, до получения Вашего согласия, не отвечаю, срок же, поставленный им, истекает 17-го февраля. Надо торопиться. Сделайте, пожалуйста, одоженье, снесите с ним по телефону. И телеграфируйте мне. Вы не поверите, как мне стыдно, что на этот раз приходится беспокоить Вас сверх обычного еще посторонними заботами, чрезвычайной при этом срочности.

Вообще я, кажется, переоценил свои возможности. Таких непогашенных долгов у меня еще на 6000. 3 тыс. я должен Уральскому обкому (за летнее пребывание на Урале с семьей впятером в 1932 г.),⁷ 2 тыс. — «Новому Миру» и одну — «Красной Нови».⁸ Я страшно затруднил себе ближайшие месяц-два решением разделаться с двумя последними долгами (журнальными) и тем, что довел это решение до сведения редакций. Как ни напряженно перевожу я грузин, мне трудно будет поработать столько, чтобы уже и за работою очистился остаток на текущую жизнь. Если оперною тысячей мой счет в Ленинградском Издательстве Писателей еще не исчерпан, то переведите мне, пожалуйста, что-нибудь в феврале. Но в том ли случае, если на ней кончатся мои честные ресурсы, в том ли, если уже и эта тысяча попадает в разряд авансов, — нового мифического источника для денежного перевода не создавайте, а то ведь и это может стать когда-нибудь нибелунгами, а ничего я так сильно не желаю, как выбраться когда-нибудь из оперно-балетных своих грехов на твердую и реальную почву.

Итак, телеграфируйте мне, пожалуйста, относительно юрис-консульта; напишите, что может получиться из дальнейшей моей просьбы; и, наконец, простите, что отнял у Вас столько времени. Крепко жму Вашу руку. Привет Вашей супруге.

Преданный Вам Б. Пастернак.

Я не знаю нового адреса издательства. Говорят, Вы снова в Госткином дворе?⁹ Сейчас узнал окольными путями, но не уверен в правильности. Итак, телеграфируйте!

¹ Нина Николаевна Сорокина (урожденная Бажанова, 1898—1979).

² Сорокин Тихон Иванович — историк и искусствовед.

³ Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) скончался 8 января 1934 г. В тот же день была создана комиссия по организации похорон (Б. Пильняк, Б. Пастернак, Г. Санников, Е. Вихрев, Н. Симмен, Н. Крутиков). 14 февраля 1934 г. Пастернак писал П. М. Фоляну: «Когда умер Андрей Белый, мне нельзя было отказаться от непосредственного участия в организации похорон, улаживши первых дел и пр., да это и соответствовало моим ощущениям» (Литературная Грузия, 1966, № 1, с. 81). В «Литературной газете» (1934, № 2, 11 января) была напечатана траурная телеграмма: «Группа писателей, объединенных вокруг „Издательства писателей в Ленинграде“, выражает чувство глубокого огорчения в связи со смертью крупнейшего представителя дореволюционного искусства, внесшего богатый опыт в строительство советской литературы, разностороннего и неутомимого деятеля на культурном фронте, поэта, писателя и теоретика Андрея Белого». Среди 32 подписей под текстом имеется и подпись Г. Э. Сорокина. Гражданская панихида состоялась в большом зале оргкомитета Союза советских писателей вечером 9 января: «В почетном карауле стояли В. В. Вересаев, Ф. В. Гладков, Л. М. Леонов, Б. А. Пильняк, В. Лидин, Б. Пастернак, В. В. Каменский, многие литературоведы, критики и др. <...> От имени оргкомитета Союза писателей говорил тов. В. Ермилов <...> После тов. Ермилова говорили гг. Н. П. Накоряков, Б. Пастернак, Г. Санников и Л. Гроссман» (Кут. А. [К у т у

зов А. В.]. У гроба А. Белого.— Вечерняя Москва, 1934, № 9, 10 января). 10 января состоялись похороны: «В последних сменах почтового караула — тт. Евдокимов, Пришвин, Лидин, Пибер, Пильняк, Сашников и Пастернак. В 1 ч. 30 м. дня под звуки траурного марша писатели Богданов, Пильняк, Зайцев, Гроссман, Пастернак и другие выносят гроб. Траурная процессия направляется в крематорий. В 3 ч. 30 м. состоялась кремация» (Известия, 1934, № 10, 11 января). В некрологе, подписанном Б. А. Пильняком, Б. Л. Пастернаком и Г. А. Савиновым, говорилось: «Творчество Андрея Белого — не только гениальный вклад как в русскую, так и в мировую литературу, оно — создатель громадной литературной школы <...> Придя в русскую литературу младшим представителем школы символистов, Белый создал больше, чем все старшее поколение этой школы — Брюсов, Мережковский, Сологуб и др. Он перенес свою школу, оказав решающее влияние на все последующие литературные течения. Мы, авторы этих посмертных строк о Белом, считаем себя его учениками» (Известия, 1934, № 8, 9 января). Эта оценка творческого наследия Белого была подвергнута критике в «Литературной газете» (1934, № 3, 16 января), где ее ответственный секретарь А. А. Болотников (в статье «Андрей Белый») писал: «Реакционным утверждением было бы зачислять Белого в классики мировой литературы, так как такое утверждение не соответствует истинному положению вещей — Белый слишком индивидуалистичен и манерен в своем творчестве, чтобы создать особую школу <...>». Об отношениях Пастернака и Белого см.: Флейшман Л. Б. Пастернак и А. Белый. — Russian literature triquarterly, № 13. Ann Arbor, 1976, p. 545—551 (здесь опубликованы 4 письма Пастернака к Белому).

⁴ Сказанное относится к расторжению договора с Театром оперы и балета и возврату полученного в 1932 г. аванса. Пастернак собирался перевести текст стихотворных либретто Р. Вагнера к его оперной тетралогии «Кольцо Нибелунгов». 11 января 1932 г. Пастернак взял у композитора С. Е. Файнберга партитуры опер Вагнера для перевода (сведения из дневника поэта Л. В. Горнунга, хранящегося в его личном архиве в Москве).

⁵ В томе «Библиотеки поэта» «Грузинские романтики. А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани, В. Орбелиани. В переводе русских поэтов под ред. Н. С. Тихонова и Ю. Н. Тынянова» (Л., 1940) Пастернак участия не принял. Сорокин должен был выступать в этом издании как один из ведущих переводчиков (по соглашению с «Библиотекой поэта», заключенному 28 июля 1935 г., он обязался перевести 885 строк из стихотворений В. Орбелиани и А. Чавчавадзе — ИРЛИ, ф. 519, № 279), однако в книгу вошел только один его перевод — стихотворения В. Орбелиани «Процанпе». Сохранилась беловая рукопись девяти стихотворений, переведенных Сорокиным с грузинского (ИРЛИ, ф. 519, № 4).

⁶ Режиссер Сергей Эрнестович Радлов (1892—1958) и его жена, поэтесса и переводчица Анна Дмитриевна Радлова (1891—1949), вероятно, были инициаторами договора Пастернака с Ленинградским театром оперы и балета.

⁷ В традициях писательских поездок для изучения жизни на местах Пастернака пригласили на Урал. Поездка предполагалась на 3—4 месяца. Пастернак поехал с женой и детьми. Первое время они жили в гостинице в Свердловске, затем им отвели одну из дач Свердловского обкома на озере Шарташ. Через полтора месяца Пастернак с семьей вернулся в Москву.

⁸ В погашение долгов Пастернак печатал в этих журналах в 1934 г. переводы из грузинской поэзии. См.: Новый мир, 1934, № 3 (6 стихотворений Н. Мицишвили, В. Гаприндашвили и К. Надирадзе); Красная новь, 1934, № 6 (6 стихотворений Паоло Яшвили, Г. Леонидзе и Т. Табидзе); № 9 (3 стихотворения В. Гаприндашвили и И. Гришашвили).

⁹ Письмо отправлено в «Издательство писателей в Ленинграде» по адресу: «Внутри Гостиного Двора, 122».